

НАША СПРАВКА

УДК 355.48

«Жаркий» день на батареях. Литография У. Симпсона с театра военных действий в Крыму, 1854–1856

Военный эксперт середины XIX столетия

Смирнов Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Московский архитектурный институт (государственная академия), обозреватель журнала «Родина»
E-mail: slmail@mail333.com

В статье анализируется цикл статей Ф. Энгельса, посвященных обороне Севастополя в Крымскую войну в 1854–1855 гг. Дается оценка степени адекватности представлений Энгельса о ходе событий и русской армии николаевской эпохи. Показаны особенности системы мобилизационного развертывания русской армии в 1833–1855 гг.

Ключевые слова: Энгельс, Крымская война, оборона Севастополя, русские войска, войска союзников, артиллерия, береговые батареи, комплектование войск, мобилизационное развертывание.

Статьи Фридриха Энгельса, опубликованные осенью 1854 г., во время Крымской войны, в «Нью-Йорк Дейли Трибьюн» и посвященные разбору первых месяцев боевых действий в Крыму, сразу же создают ощущение XIX столетия, точнее, того «длинного» XIX века, который культурологически и психологически закончился лишь в 1914 г. Дело не в реалиях и событиях, а в практическом отсутствии в тогдашнем мире такого понятия, как «секретность». Сведения о численности, составе и дислокации вооруженных сил страны публиковались в этой стране открыто, генералы после сражений давали корреспондентам откровенные интервью, газетам дозволялось печатать о своих войсках многое из того, о чем противнику знать не следовало...

Именно поэтому Энгельс может дать читателям «Нью-Йорк Дейли Трибьюн» не только достоверную (как мы видим сейчас) информацию о текущих военных событиях в Крыму, но и почти исчерпывающие сведения о составе и дислокации русской армии. Он знаком даже со схемой мобилизационного развертывания ее в военное время. Кстати, эта схема – лишнее предостережение от все еще сохраняющейся у многих привычки рассматривать николаевскую эпоху в черно-белых тонах – и, в частности, изображать николаевскую военную систему как нечто совершенно отсталое, архаичное.

Идея содержать в мирное время армию относительно небольшой численности, а в военное увеличивать эту численность путем призыва в армию уже подготовленных бойцов из запаса – эта идея, легшая в основу введенной в России в 1874 г. всеобщей воинской повинности, была понята и Николаю I, и главным военным деятелем его царствования. И если они не перешли к комплектованию армии по всеобщей воинской повинности (а к 1854 г. так комплектовались лишь армии Пруссии и, частично, Франции), то первый шаг в этом направлении сделали. С 1833 г. часть солдат в России увольнялась из рядов по истечении уже 15 (а не 22–25, как полагалось по закону) лет. Но не в отставку (в армии ее продолжали давать лишь по прошествии 25, а в гвардии – 22 лет с момента призыва), а в бессрочный отпуск (по существу, в запас). Бессрочноотпускные жили и кормились подобно обычным обывателям, но числились в резервных и запасных батальонах своих полков (один запасный на 3-батальонный гвардейский полк, один резервный на 3-батальонный гренадерский и по одному резервному и одному запасному на 4-батальонный пехотный или егерский полк) и время от времени призывались на сбо-

ры. В случае нужды резервные и запасные батальоны наполнялись вновь призванными под знамена бессрочноотпускными – и численность русской пехоты выростала раза в полтора. Это, конечно, не в четыре с лишним – как в августе 1914-го, когда уже 40 лет как существовала всеобщая воинская повинность, – но все же и в николаевской России целенаправленно накапливали *запас* обученных военному делу людей, которые в мирное время не обременяли армейский бюджет. Запас, которого не было в 1811–1812 гг., когда, увеличивая в преддверии решительной схватки с Наполеоном численность армии, в России вынуждены были делать это за счет новобранцев. Слишком высокий процент новобранцев в русской армии и сказался на ходе и исходе многих сражений первого периода Отечественной войны 1812 года, – и в том числе Бородинского. Оттеснить русских за Семеновский овраг противник там смог не только благодаря концентрации сил на направлении главного удара, но и потому, что в его войсках была выше доля закаленных, прошедших огонь, воду и медные трубы ветеранов¹. Эти люди могли дольше выдерживать напряжение тяжелейшего боя, чем рекруты – предел сопротивляемости которых наступал раньше... В Крымскую же войну новобранцами комплектовали лишь часть вновь формируемых батальонов русской пехоты – доводя количество действующих, резервных и запасных батальонов в каждом гвардейском и гренадерском полку с 4 до 6, а в каждом пехотном и егерском – с 6 до 8.

После того, как гвардейский полк оказывался 6-, а пехотный или егерский – 8-батальонным, его делили на два, присваивая вновь образуемому полку название старого с прибавлением слова «резервный». Четыре резервных полка образовывали резервную дивизию того же номера, что и та, от полков которой они «отпочковались». Эти резервные дивизии и заступали там, где война еще не вспыхнула – в Прибалтике, в Польше, на Волыни, – места кадровых, которые одна за другой уходили в Крым, в «бездонную бочку» севастопольской мясорубки. Это успешное мобилизационное развертывание русской армии в Крымскую войну заставляет сейчас историков оценивать военную систему николаевской России значительно выше, чем до 1990-х гг.².

В описании военных действий Энгельс ошибается лишь несколько раз. Так, к моменту высадки союзников в Крыму (1 (13) сентября 1854 г.) там не было частей 12-й пехотной дивизии (она подошла лишь в октябре), а были (наряду с правильно названными 16-й и 17-й) одна бригада 14-й и несколько резервных батальонов 13-й пехотной дивизии. О том, что к моменту первой бомбардировки Севастополя, к 5 (17) октября 1854 г., 126 английским и французским орудиям могли противостоять не 200–250, а лишь 118 из имевшихся на укреплениях Южной стороны 333³, союзники (из чьих сообщений черпал информацию Энгельс) знать, конечно, не могли. Следуя за этими же источниками, автор выдает желаемое за действительное, сообщая, что уже с октября 1854 г. орудия на укреплениях Севастополя обслуживались пехотинцами. Такая картина стала явью лишь примерно с мая 1855-го; при этом прежняя, профессиональная орудийная прислуга была выбита не столько ружейным (как утверждает Энгельс), сколько артиллерийским огнем союзников (и состояла она почти исключительно из матросов; сухопутные артиллеристы обслуживали лишь береговые батареи да немногочисленные полевые орудия, включенные в систему обороны Севастополя). Плохая же, по Энгельсу, стрельба из орудий, демонстрировавшаяся русскими в первый месяц осады, была обусловлена не низкой квалификацией прислуги, а тем, что управлявшие огнем морские офицеры еще не применились к особенностям пальбы по сухопутным целям и, по морскому обыкновению, вели огонь залпами и с предельно возможной быстротой. На море, где при тогдашних дистанциях боя цель была прекрасно видна, это повышало шансы вывести из строя вражеское судно, но на суше, где цели были более рассредоточены и хуже видны, оборачивалось напрасной тратой снарядов. Здесь требовалась более тщательная наводка каждого орудия. Вскоре это было понято, и эффективность русского огня возросла.

Весьма существенна ошибка при подсчете соотношения сил в тот день на приморском фронте Севастополя. Английские, французские и турецкие суда, выделенные для бомбардировки береговых укреплений Севастополя, превосходили эти укрепления по числу орудий не вдвое, а в 8 раз (1244 орудия одного борта против 152 на русских береговых батареях⁴).

Почти безупречен и анализ военных событий. Энгельс резонно указывает на то, что союзники упустили шанс овладеть укреплениями Южной стороны Севастополя – к которой они подошли, двигаясь от реки Альма, – с ходу, штыковой атакой (подготовленной, положим, огнем полевой артиллерии). Ведь тогда эти укрепления (совершенно точно описанные Энгельсом) были гораздо слабее, чем к моменту начала первой бомбардировки Севастополя, и не вооружены еще в достаточной степени крупнокалиберными морскими орудиями – орудиями, которые несколько месяцев не давали потом артиллерии союзников должным образом подготовить штурм Севастополя. Но генерал лорд Ф. Раглан и маршал Франции Ж. де Сент-Арно дали вице-адмиралу В.А. Корнилову (взявшему на себя фактическое руководство обороной Севастополя) и полковнику Э.И. Тотлебену (руководившему инженерными работами) три недели. За эти три недели благодаря энергии Корнилова и нестандартному мышлению Тотлебена – сделавшему ставку не на мощь укреплений как таковых, а на мощь их артиллерийского вооружения, – мощь обороны возросла настолько, что для взятия полевых укреплений Севастополя теперь требовалась бомбардировка их – словно долговременных крепостных верков⁵ – из осадных орудий.

Автор совершенно правильно связывает неудачу первой бомбардировки Севастополя – не сумевшей разрушить русские укрепления в мере, достаточной для того, чтобы обеспечить успешную атаку их пехотой – с распылением союзниками усилий. И подсказывает правильное решение: вместо того, чтобы обстреливать всю 8-

¹ См.: Земцов В.Н. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: Рейтар, 1999. С. 9, 11.

² См., напр.: Кухарук А. Мнимый больной. Была ли бессильна николаевская армия // Родина. 1995. № 3–4. С. 26; Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 218–219.

³ Ченных С.В. Крымская кампания 1854–1856 гг. Восточной войны 1853–1856 гг. Военно-исторический очерк. Ч. III. Противостояние. Севастополь, 2012. С. 203–204, 206–207; Дубовин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. II. СПб., 1900. С. 51.

⁴ Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия. М.: Воениздат, 1956. С. 104.

⁵ Верк (нем. Werk – сооружение, укрепление, завод) – отдельное укрепление, входящее в состав крепостных сооружений и способное вести самостоятельную оборону.

километровую линию обороны, сосредоточить огонь на одном – двух небольших по протяженности участках, на двух – трех ключевых пунктах. Командование союзников реализовало эту идею только через полгода, в мае 1855-го, уже после провала (в апреле) и второй бомбардировки Севастополя. В третью бомбардировку, 25–26 мая (6–7 июня) 1855 г. огонь был сосредоточен на восточной половине оборонительной линии – на Корабельной стороне, и прежде всего на Волынском и Селенгинском редутах и Камчатском люнете. В результате эти три передовых укрепления – не давшие врагу приблизиться к ключевому пункту оборонительной линии – Малахову кургану – были совершенно разрушены, что обеспечило захват и последующее удержание их французской пехотой. По той же схеме провели и последующие бомбардировки – сосредоточивая огонь на Малаховом кургане и соседнем с ним 2-м бастионе. Четвертая – длившаяся менее суток, 5 (17) июня 1855 г. – еще не сумела причинить этим укреплениям фатальные разрушения, и русские, восстановив их за ночь, сумели отбить 6 (18) июня первый штурм Севастополя. Но пятая и шестая – 5–8 (17–20) августа и 24–27 августа (5–8 сентября) – фактически покончили и со 2-м, и с венчавшим Малахов курган Корниловским бастионом. Это обеспечило 27 августа (8 сентября), в ходе второго штурма Севастополя, захват французами Малахова кургана. С потерей же этой командовавшей над городом и рейдом высоты русский командующий князь М.Д. Горчаков не считал возможным продолжать оборону Севастополя...

Недоумение вызовет лишь место, где автор, критикуя Раглана и Сент-Арно за отказ от атаки Севастополя с ходу, явно перегибает палку, объявляя «метод обстрела» полевого укрепления «из орудий» «старомодным». Здесь он входит в противоречие не только со здравым смыслом (чем же еще нейтрализовать преимущество, которое предоставляет обороняющемуся неуязвимое для ружейного огня земляное закрытие?), но и с самим собой. Если артиллерийская подготовка атаки укрепления излишня, то зачем тогда апеллировать к решительности и искусству, которые якобы проявлял в таких случаях Наполеон? Ведь полевые укрепления русских на Бородинском поле (Багратионовы флеши и батарея Раевского) наполеоновские войска атаковывали только после предварительного обстрела их артиллерией!

В целом же в своих статьях о Крымской войне Энгельс предстает перед нами не творцом «исторического материализма» и не политически ангажированным публицистом, а квалифицированным экспертом-позитивистом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006.
2. Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия. М.: Воениздат, 1956.
3. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. II. СПб., 1900.
4. Земцов В.Н. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: Рейтар, 1999.
5. Кухарук А. Мнимый больной. Была ли бессильна николаевская армия // Родина. 1995. № 3–4. С. 22–26.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10. М.: Госполитиздат, 1958.
7. Ченнык С.В. Крымская кампания 1854–1856 гг. Восточной войны 1853–1856 гг. Военно-исторический очерк. Ч. III. Противостояние. Севастополь: Полмет ГМБХ, 2012.
8. Barthorp M. *The British Army on Campaign: The Crimea 1854–56*. Oxford: Osprey Publishing, 1987, vol. 2.
9. Kitchen M. "Friedrich Engels' Theory of War." *Military Affairs* 49.1 (1977): 119–124.
10. Khristoforov I.A. "The Russian Empire and the Crimean War: Conceptualizing Experience and Exploring New Approaches." *Russian Studies in History* 51.1 (2012): 3–6.
11. Lambert A.D. *The Crimean War: British Grand Strategy Against Russia, 1853–56*. 2nd ed. Farnham, Surrey, UK/Burlington, Vt: Ashgate Publishing, Ltd., 2011.
12. Plokhy S. "The City of Glory: Sevastopol in Russian Historical Mythology." *Journal of Contemporary History* 35.3 (2000): 369–383.
13. Ponting C. *The Crimean War – The Story Behind the Myth*. London: Pimlico, 2004.
14. Royle T. *Crimea: The Great Crimean War, 1854–1856*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Смирнов, А. А. Военный эксперт середины XIX столетия / А.А. Смирнов // Пространство и Время. — 2014. — № 3(17). — С. 172—174. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st3-17.2014.64

Севастополь. Вид на юг из Николаевского форта. Художник Уильям Симпсон, 1854–1856.